

Михаил Норышев

Воюю уже четвертый год, а помню, как в последний раз вышел тогда из отцовских ворот. Рукой в шершавый столб уперся – крепко стоит.

От поскотины на деревню оглянулся. Улица короткая, два десятка домов, зеленая, вся травой поросла. День жаркий был, хлеба уже подходили. По узкой дороге, среди колхозной пшеницы, которую сам весной сеял, пошел в райцентр, на призывной пункт. Пешком. Все 40 километров.

Мне шел уже 31 год шел, жену молодую в дом привел, Акулину Гавриловну. На ноги стали подниматься, нужды перестали бояться. А работы, труда, хоть и самого тяжелого, я никогда не боялся.

По дороге в военкомат думалось, что не все сено из копен в зароды сметано, что колхозный телятник надо бы до зимы под новую крышу подвести. О хлебе думалось, который скоро молотить пора... Война еще не вошла в мою жизнь, не взяла власть надо мной. И даже не совсем ясно представлялось, какая она эта война.

Это я понял потом, когда в декабре 1941 года принял вместе с ротой бой на Западном фронте. Потом второй, третий... Кровь, смерть, огонь. Страх.

Между боями рыл окопы, строил землянки, рубил бревна для накатов, чистил винтовку, делил с другими красноармейцами махорку и листки фронтовой газеты на раскрутку. Делал все, что делают на войне солдаты, всю ее тяжкую. Бесконечную. Грязную и нерадостную работу.

Дважды был ранен. Первый раз, еще на Западном фронте, легко, в правую ногу. После госпиталя попал на Северо - Кавказский фронт, в отдельную Приморскую армию. Участвовал в освобождении Северного Кавказа. Здесь снова получил ранение, на этот раз тяжелое, в голову, лицо и правую ногу. Опять госпиталь. Потом первый Белорусский фронт.

Среди бойцов своей роты я был теперь самым старшим, если не по возрасту, то по фронтовому опыту. Не многим из тех, с кем я поднимался из первого окопа, пришлось дойти до Германии. Нет рядом и тех, с кем вместе получали на Северном Кавказе солдатскую медаль «За отвагу».

Оказывается, везучий ты, - думал я про себя. Думал спокойно, без особой радости. – Или твой черед не настал? – и об этом тоже без горечи и страха.

Когда-то в первые два года войны, казалось, прогнать бы немца со своей земли, дойти до границы, перейти ее... Тогда бы посчитались с ним за все смерти, за сирот голодных, за спаленный на корню хлеб, за порушенные города и деревни.

Теперь война шла на земле фашиста. Но от того, что горели теперь не деревянные хатки, а островерхие краснокирпичные дома, и танки утюжили аккуратные немецкие рожицы, не было радости на душе. Разрушение не радовало.

Может, я просто устал от войны? И сам себе признавался – да, устал. Но война сейчас главное дело и надо его довести до конца. А потом будем растить хлеб.

И вставала перед глазами узкая дорога среди колхозной пшеницы, по которой уходил я на призывной пункт.

14 января 1945 года при прорыве сильно укрепленной позиционной обороны немцев на плацдарме за Вислой, действуя в ударном батальоне, пройдя минные поля противника, первым ворвался в первую траншею и уничтожил пять немецких солдат. И в результате наступательного боя достиг пятых траншей, водрузил Красное знамя.

Я был в это время в полевом госпитале. Сюда принесли меня однополчане. Ничего не ответил хирург на их вопрос. Нельзя врать тем, кто только что вынес из боя смертельно раненого друга. А правду как сказать?

Пришел в себя я только несколько раз. Но оставался каким-то удивительно спокойным, даже когда явь путалась с беспомощностью. Говорят, так бывает только у людей, до конца преданных одному делу и долгу, с твердой верой в справедливость приказа и поступка. Ведь главным моим делом было растить хлеб для людей. А мне было приказано защищать Родину.

До Бранденбургских ворот совсем чуть-чуть не дошел, погиб в Бранденбургской провинции, чтобы другие солдаты прошли через главные ворота фашистской столицы. Погиб за то, чтобы никто и никогда не смог поколебать прочность ворот русской державы...